

Масленица.

Инструкция по примирению



Маша Тусина

Маша Тусина

**Масленица. Инструкция
по примирению**

«Автор»

2026

Тусина М.

Масленица. Инструкция по примирению / М. Тусина — «Автор»,
2026

Добро пожаловать на Масленицу, где блины — это мерило счастья, двигатель сюжета и даже код мироздания! В этом сборнике каждый праздничный день — отдельная история. Наглый кот Кузя совершает идеальное преступление и крадёт первый блин. Соседский кот Маркиз устраивает маме невероятное знакомство в сугробе. Зять Коля проходит гастрономическое испытание на «Тёщиных вечёрках» и обретает друга в лице суровой тёщи. Вы побываете в мире будущего под Куполом, где горстка людей пытается растопить лёд искусственного счастья живым теплом. Узнаете, как космический дальнобойщик спасал масленичный ужин в невесомости, а две непримиримые золовки нашли общий язык. В Прощёное воскресенье вас ждёт старик, который знает: реальность — это всего лишь блин. Смешные и лиричные, бытовые и фантастические — эти истории докажут: Масленица — время чудес. И не важен антураж. Чудо случится там, где есть те, кого можно накормить блином и попросить прощения.

© Тусина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Операция «Блин»	5
Кот, голубь и шапка с помпоном	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Маша Тусина

Масленица. Инструкция по примирению

Операция «Блин»

Если вы просыпаетесь утром, а на кухне пахнет так, что слюна вырабатывается быстрее, чем вы успеваете её сглатывать, – значит, наступила Масленица. Или вы в раю. Но обычно – Масленица.

За окном лениво потягивался серый понедельник, а на кухне уже всю дышало счастье. Даша колдовала у плиты, и с каждой новой порцией на тарелке росла золотистая стопка блинов. Кружевных. Маслянистых. Таких беззащитных в своей аппетитности, что даже у холодильника, кажется, текли слюнки.

Кузя наблюдал за этим священнодействием с подоконника. Со стороны казалось, что он дремлет. Но за прищуренными веками работал холодный кошачий процессор: расстояние до стола – полтора метра, скорость перемещения хозяйки – средняя, уровень её бдительности – максимальный (пока у плиты). Усы жили своей жизнью – они подрагивали, улавливая главное: аромат. Тот самый, от которого у нормального кота подгибаются лапы и отключается совесть.

И тут случилось то, ради чего Кузя, кажется, родился на этот свет.

Зазвонил телефон.

Даша вытерла руки о фартук и выпорхнула в коридор, бросив на прощание сакраментальное:

– Только не смей! Я вижу твои мысли!

Кузя замер. В кошачьей голове щёлкнуло то самое реле, которое срабатывает, когда никто не видит банку со сметаной. Он досчитал до трёх (кошачьи цифры – категория растяжимая, можно и до полутора) и бесшумно спрыгнул с подоконника.

Ламинат не скрипнул. Половицы не выдали. Воздух не шелохнулся. Кузя стал тенью. Из коридора доносилось жизнерадостное: «Да, блины почти готовы. Жду, приходите».

Время пошло. Секунды таяли быстрее масла на горячей сковороде.

Вы когда-нибудь видели, как кот крадёт? Это не просто перемещение в пространстве. Это балет. Это дзен. Это искусство, отшлифованное миллионами лет эволюции.

Передняя лапа – вперёд. Зависание. Проверка тылов. Вторая лапа – ещё тише. Уши прижаты к голове (так они ловят меньше звуков, но Кузя делал это скорее для маскировки – вдруг Даша телепатически сканирует кухню). Хвост замер статуей – ни грамма эмоций. Усы работали антеннами ПВО, ловя малейший шорох из коридора.

Пять шагов до стола. Четыре. Три.

Столешница была высоко. Но для кота с амбициями не существует непреодолимых преград – существуют только интересующие и неинтересующие его объекты. Стол входил в первую категорию.

Короткий разбег, мощный толчок задними лапами – и Кузя уже на краю стола, прямо напротив заветной стопки.

Блины пахли так, что у него свело челюсть и заложило нос. Они были ещё тёплыми. Совершенными. Его.

Главное в таком деле – действовать быстро и без колебаний. Колебания – враг идеального преступления. Вор должен быть решителен, как сапёр, и спокоен, как удав.

Кузя аккуратно, но решительно поддел лапой самый верхний блин и закусил его зубами. Тот поддался легко – так поддаётся только настоящее масленичное чудо, которое само хочет быть съеденным. Блин словно сказал: «Возьми меня, я твой».

Тишина в коридоре оборвалась. Раздались шаги.

Адреналин ударил в усы мощнее, чем валерьянка. Кузя дёрнул головой – блин послушно повис в зубах, свешиваясь с двух сторон пасти. Со стороны казалось, что у кота внезапно выросли съедобные усы. Только эти усы пахли в тысячу раз вкуснее штатных.

Даша вошла на кухню и застыла в дверях.

Кузя стоял посреди стола, как монумент кошачьей наглости. Из пасти живописно свисал блин. Глаза кота стали размером с два блина – и в них читалась целая библиотека эмоций, которую можно было издавать отдельной книгой:

удивление («Как это вообще здесь оказалось? Я сам в шоке»);

невиновность («Я просто проверял свежесть зубами. Чисто технический осмотр. Это моя работа»);

лёгкая паника («Кажется, меня заметили, хотя по моим расчётам не должны были»);

иррациональная надежда («А вдруг я стал невидимым? Вдруг у неё проблемы со зрением? Вдруг это сон?»).

Уши прижались к голове так плотно, будто пытались спрятаться внутри черепа и переждать там ядерную зиму. Хвост обвил задние лапы удавкой. Кузя не дышал. Он не двигался. Он пытался телепатически внушить хозяйке единственную мысль:

«Тебе это кажется. Здесь ничего нет. Ты устала, тебе нужно прилечь. А я пока тут постою, подожду...»

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Даша – с тем самым прищуром, под которым обычно скрывается фраза «Я тебя породила, я тебя и убью». Кузя – с максимальной степенью честности, на которую способен кот с блином в зубах.

Где-то в глубине кошачьей души боролись совесть и блин. Совесть проигрывала с треском. Блин пах слишком вкусно, чтобы его бросить. Блин пах домом. Блин пах счастьем. Блин пах тем утром, когда всё хорошо, даже если ты сейчас влип по самые усы.

– Кузя..., – голос хозяйки звучал угрожающе-ласково. Именно таким тоном говорят: «Я тебя люблю, но сейчас буду ругать, так что наслаждайся последними секундами покоя». – Положи блин.

Кузя моргнул.

В кошачьем языке это означало: «Ну ма-а-ам, ну он же сам в рот просился! Я просто помог ему осуществить мечту. Он хотел быть съеденным хорошим котом. А кто тут самый хороший кот? Правильно, я».

Кузя сделал выбор. Тот самый выбор, который делают все коты в момент истины.

Резко, одним неуловимым движением, достойным ниндзя в расцвете сил, он втянул блин в пасть целиком. Подавиться не получилось – спасибо многолетним тренировкам на украденных сосисках, котлетах и том куске колбасы, который до сих пор числится пропавшим без вести.

И молнией метнулся со стола.

Лапы чиркнули по ламинату, хвост мелькнул бело-рыжим знаменем в дверях – и всё. Тишина.

Из-под дивана в комнате донёсся довольный чавкающий звук, а затем – шумное вылизывание с причмокиванием. Кузя праздновал победу. Кузя смаковал трофей. Кузя был счастлив так, как может быть счастлив только кот, провернувший идеальное преступление.

Даша вздохнула, посмотрела на оставшуюся стопку блинов и... улыбнулась.

– С первым днём Масленицы, Кузя. Будем считать, что это твой первый блин. Главное, что не комом.

Через пять минут из-под дивана показался кончик носа. Потом усы. Потом вся мордаха с выражением: «Ну чё там, ты остыла? Мир?»

Кот неторопливо вышел на свет и не спеша, с чувством собственного достоинства, которое не смог бы поколебать даже взрыв, направился к хозяйке.

Даша уже пила чай. С блинами. Теми, что выжили.

Кузя потёрся о её ногу – сначала левой щекой, потом правой. Запрыгнул на колени и посмотрел на Дашу говорящим взглядом: «Я твой самый лучший кот на свете, разве можно на меня сердиться? Посмотри в эти глаза. В них нет зла. В них только блины и нежность» и замурчал, как маленький трактор – урчащий, вибрирующий и сметающий всё на своём пути.

Даша вздохнула. Сопrotивляться этой кошачьей наглости было невозможно. Она отломала краешек блина – самый маленький, но всё-таки – и протянула коту.

– На, разбойник. Заслужил. Но воровать – нехорошо!

Кузя аккуратно, деликатно, даже интеллигентно взял угощение, стараясь не задеть пальцы (вдруг ещё дадут?), и прикрыл глаза от удовольствия.

«Скажи это блину, который сам в рот просился», – подумал он, пережёвывая последний кусочек.

За окном серел понедельник. На столе остывал чай. На коленях урчал пушистый разбойник. И в этом было что-то такое правильное, такое домашнее, такое настоящее, что Даша вдруг поняла: да, именно из таких моментов и состоит жизнь.

Из блинов.

Из котов.

Из прощения.

Из маленьких краж, которые пахнут счастьем.

Кот, голубь и шапка с помпоном

Вторник на Масленицу называется «Заигрыши». В старину в этот день парни присматривали невест, девушки гадали на суженых, и вообще было весело. В наше время всё сложнее, потому что невест ищут в интернете, а суженые приходят с лопатами и в дурацких шапках. Но если честно, это даже лучше.

Мою маму зовут Елена Викторовна, и она у меня красавица. Вы не смотрите, что ей пятьдесят и что последние пять лет она ходит в одном и том же пуховом платке, потому что «в нём тепло и не надо думать, что надеть». Вы бы видели её молодую! Фотография есть – закачаешься. Море, юг, купальник, шляпка, и мама улыбается так, будто только что выиграла в лотерею счастливую жизнь.

Собственно, эту фотографию я и поставила в её анкету на сайте знакомств.

– Катя! – кричала мама, когда узнала. – Ты хочешь, чтобы меня в полицию забрали? За мошенничество? Это ж не я, это ж какая-то другая женщина!

– Ты, мама, ты, – успокаивала я. – Просто двадцать лет назад. Похудеешь – будешь такая же.

– Я не похудею! – Мама схватила за сердце. – У меня кость широкая!

– Значит, полюбит тебя какой-нибудь мужчина с широкой душой. Под стать кости.

В общем, разговор у нас тогда не задался. Мама обиделась и ушла на кухню печь блины, потому что Масленица на носу, а блины, как известно, лечат любые душевные раны. Особенно если со сгущёнкой.

А утром во вторник пришло сообщение.

«Елена, доброе утро! Вы невероятно красивая женщина. Не хотите встретиться сегодня? Погода отличная, Масленица на дворе. Предлагаю погулять в парке, а потом зайти ко мне на блины. Живу рядом с парком. С уважением, Виктор, 54 года, пенсионер МЧС».

– Ой, мама, – сказала я, прочитав. – Да он поэт! «Невероятно красивая женщина»! Аж за душу взяло.

– Это он не мне, это он той, с фотографии, – мрачно ответила мама. – А я сейчас – в платке, с мешками под глазами и вообще...

– Мама, – перебила я строго, – во-первых, никаких мешков у тебя нет, я проверяла. Во-вторых, платок снимешь, наденешь шапку красивую, я дам. В-третьих, иди давай, не позорь мои труды. Я полчаса анкету заполняла!

Мама вздохнула так тяжело, будто я её не на свидание отправляла, а на субботник в зоне вечной мерзлоты.

– С кем я пойду? – спросила она жалобно. – Одна? Я буду молчать как рыба, а он подумает, что я дура. С Джеком пойду? Так Джек всех облизывает, он меня опозорит.

Тут надо сказать про Джека. Джек – это наша собака. Маленькая, нервная, похожая на сосиску, которая отрастила лапки и решила, что она главная в доме. Джек обожает всех людей без разбора и норовит облизать каждому встречному лицо. Для свидания, сами понимаете, компаньон так себе.

И тут – звонок в дверь.

Стоит тётя Люба с третьего этажа, а в руках у неё переноска, из которой торчит морда, достойная кисти лучших художников эпохи Возрождения. Морда важная, усатая, глаза с прищуром, и во взгляде читается: «Я, конечно, мог бы остаться дома, но раз уж вы настаиваете на моём обществе, так и быть, снизойду».

– Леночка, выручай! – затараторила тётя Люба. – Мне к врачу срочно, а Маркиза не с кем оставить. Возьмите погулять, он спокойный, только гулять просится. Я заплачу!

Маркиз – это кот. Сибирский, огромный, с совиными бровями и таким чувством собственного достоинства, что нам, людям, и не снилось. Он вышел из переноски, оглядел нашу прихожую, оценил обстановку и направился к выходу со скоростью и уверенностью генерала, который опаздывает на парад.

– Мама, – сказала я, чувствуя, как судьба раскладывает пасьянс. – Это знак. Иди с Маркизом. Он важный, молчаливый, никого не облизывает. Он создаст тебе имидж загадочной женщины с породистым котом.

– Это не мой кот! – возразила мама.

– Твой, пока гуляешь, – отрезала я. – Всё, сборы пять минут. Шапку красивую – на голову, Маркиза – на поводок, и шагом марш в парк. И никаких возражений.

Через полчаса я стояла у окна и смотрела, как мама бредёт по двору, а рядом с ней вышагивает Маркиз. Кот шёл медленно, останавливаясь у каждого сугроба, чтобы его обнюхать, и всем своим видом показывал, что время – понятие относительное, а относиться к нему серьёзно могут только глупые люди, у которых нет усов.

– Ну, с Богом, – сказала я и пошла пить чай.

А дальше случилось вот что. Рассказываю со слов мамы, но она клялась, что ничего не придумала.

Идут они по парку. Снег падает красивый, пушистый, как в кино. Мама даже расслабилась немного, потому что Маркиз хоть и важный, но идти с ним почему-то уютно. Он не дергается, не лает, не лезет целоваться, просто идёт себе и идёт, думает о чём-то своём, кошачьем, высоком.

И тут – голубь.

Сидит голубь на ветке, наглый, сытый, смотрит на Маркиза и даже не улетает. А Маркиз – он же хищник, у него предки в Сибири тигров гоняли, наверное. Он присел, прицелился – и рванул.

Голубь, конечно, улетел. А Маркиз лететь не умеет, зато умеет создавать натяжение поводка, достаточное, чтобы сдвинуть с места гружёный КамАЗ. Мама покачнулась, взмахнула руками, как та самая птица, которую не поймали, и – бух! – лицом в сугроб.

Снег везде: в ушах, в носу, за шиворотом. Мама барахтается, встать не может, потому что под снегом лёд, а на ней сапоги на скользкой подошве, и вообще, жизнь кончена, сейчас этот кот её до смерти заморозит, и будет лежать она в сугробе, и никто не найдёт, только весной обнаружат, когда снег растает, и то не узнают, потому что вместо всем знакомого платка, она сегодня в шапке.

И тут – голос:

– Осторожно, я сейчас помогу!

Кто-то сильный подхватывает маму под мышки и ставит на ноги, как куклу. Мама отряхивается, поправляет шапку, поднимает глаза...

Стоит мужик. Высокий, коренастый, лицо доброе, обветренное, в руках лопата для снега, а на голове – шапка. И шапка эта, вы бы видели! Вязаная, дурацкая, с помпоном! Огромным таким, весёлым, как будто с неё ёлка начинается.

Мама потом говорила: «Я как увидела этот помпон, сразу поняла – или дурак, или моя судьба. Потому что нормальный мужик такую шапку не наденет».

– Сильно ушиблись? – спрашивает мужик, а сам улыбается.

– Н-нет, – отвечает мама, а сама красная как рак. – Я это... кота выгуливаю.

Оглядывается, а Маркиз сидит в двух метрах и лапу вылизывает. Морда довольная, сытая. Голубь улетел, хозяйка упала – красота!

– Красивый кот, – говорит мужик. – Сибирский?

– Сибирский, – кивает мама. – Соседский.

– А вы здесь живёте? – спрашивает мужик. – Я вас раньше не видел. Я вон в том доме живу.

– А я в соседнем квартале, – отвечает мама. – Спасибо вам большое. Я бы ещё долго барахталась.

Мужик смотрит на неё внимательно, щурится, а потом говорит:

– Вы знаете, у вас лицо такое знакомое... Вы случайно не Елена?

Мама потом рассказывала, что у неё сердце сначала остановилось, а потом ухнуло в пятки и оттуда поскакало обратно с такой скоростью, что чуть рёбра не поломало.

– Д-да, – выдавила она.

– Виктор, – мужик руку протянул, но тут же отдёргнул, потому что рука в снегу. – Тот самый, из приложения. Который вам утром писал. Я вас сразу узнал, только подойти боялся – думаю, вдруг неудобно, женщина с котом гуляет, а тут я со своим навязчивым сервисом... А вы упали, ну я и подскочил.

Мама стоит, хлопает глазами, и до неё медленно доходит: это ОН. Тот самый Виктор, пенсионер МЧС. Который должен был увидеть её идеальную фотку двадцатилетней давности и сказать: «А где настоящая? Эту подменили!» А вместо этого он её из сугроба вытащил и стоит теперь, улыбается, помпон на ветру колышется.

– Но я же... – начинает мама. – Я на фото... там я другая... моложе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.